

РУССКАЯ ПРОЗА 1850-Х ГОДОВ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ СЕМИОЗИСА

© 2008 Н.Л. Зелянская

Моделирование семиотических процессов связано с необходимостью формализации фактов, имеющих семиотическое значение, и с поиском метода определения отношений между ними, репрезентирующих реальное их взаимодействие в семиосфере. Модельные исследования предполагают, что взаимодействие между элементами семиотической системы должно быть обусловлено *спецификой материала* и эксплицировано с помощью *квантитативного анализа* этих особенностей. Однако именно моделирование процессов литературной (и шире — культурной) эволюции вызывает затруднение исследователей (существующие модели не сориентированы на квантитативный анализ [1; 2; 3], т. е. опираются на дедуктивно-интуитивные процедуры) в силу неочевидности способов, с помощью которых можно было бы формализовать конкретные историко-литературные факты и выявить соотношение между ними по единым количественным основаниям. Плодотворные попытки моделирования закономерностей развития литературных феноменов осуществлялись, главным образом, при изучении поэзии — т. е. на материале, предполагающем имманентную жесткую формальную организацию [4, 5].

Предметом нашей статьи является моделирование культурно-семиотических процессов, характерных для пространства русской прозы 1850-х годов — периода концептуальных перемен в русской словесности, сделавших ее частью мировой литературы. Десятилетия 40–50-х годов XIX века исследователи традиционно определяют как границу, которая разделяет разные эпохи, разные доминантные смысловые интенции. Интересующие нас 1850-е годы — это время, когда эстетическая парадигма предшествующей поры уже перестала оказывать тотальное влияние и в качестве предмета критики, и как точка отсчета для поиска новых идей, форм и художественных ориентиров. В 50-е годы XIX века, очевидно, эти поиски уже начали воплощаться в конкретных произведениях, поэ-

тому динамический потенциал эпохи связан уже с формированием новых эстетических тенденций, которые конкурируют не только с отживающей системой, но и между собой.

Принимая во внимание особое положение 1850-х годов как периода становящегося семиозиса, мы можем предположить, что изучение смысловых тенденций, порожденных интересующим нас временем, позволит создать модель, в которой было бы отражено соотношение и взаимодействие данных тенденций на указанном эпохальном срезе, и, одновременно, разработать сам метод моделирования. В основу модели мы положили результаты полевого анализа заглавий прозаических произведений, написанных и / или напечатанных в 50-е годы XIX века, обработанные с помощью статистических методов.

Выбор заглавий в качестве материала, репрезентирующего семиотические интенции эпохи, не случаен, т. к. основная функция, выполняемая этим рамочным компонентом текста, — «раскрытие самой важной темы» произведения [6, 202]. Отметим также, что заглавие всегда представляет текст во внешнем мире, а значит, репрезентативная выборка заглавий, номинирующих произведения какого-либо периода времени, становится объективным выразителем особенностей этого времени. В данной связи заглавия обладают уже не относительной (как репрезентанты произведения), но стремящейся к абсолютной полноте свободой. Метонимичность заглавия по отношению к целому произведению в рамках развивающегося пространства культуры превращается в метонимичность по отношению к литературно-эстетической тенденции, актуальной для времени создания этого заглавия.

Для анализа мы отобрали все заглавия прозаических произведений 1850-х годов, упомянутые в библиографическом словаре «Русские писатели» (под редакцией П.А. Николаева) [7]. В данном словаре представлены статьи о 152 литераторах разной степени значимости, твор-

ческая деятельность которых осуществлялась в интересующую нас эпоху. В итоге, в центре нашего внимания оказались 311 заглавий. Таким образом, материал для анализа мы отобрали путем исчерпывающей сплошной выборки из совокупности, составленной авторами словаря по аксиологическому принципу, т. е. так, чтобы творчество каждого писателя было представлено наиболее репрезентативными произведениями. Данное обстоятельство свидетельствует о достоверности результатов.

Алгоритм исследования был продиктован логикой разработанного нами (совместно с К.И. Белоусовым) метода графосемантического моделирования. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества (более подробно о методе см. [8]). В нашем случае исследуемое множество образовали семантические поля, построенные в процессе обработки результатов компонентного анализа каждого заглавия выборки. Связи между этими полями обусловлены их реальным взаимодействием в семантическом пространстве заглавия (подробнее об обработке см. [9]).

Экспликация и формализация актуальных эпохальных смыслов осуществлялась с помощью компонентного анализа лексем, входящих в заглавие. В каждом заглавии выделялся набор сем, содержащихся в лексеме (лексемах), составившей это заглавие. Например, в названии рассказа Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин» содержатся такие семантические компоненты: говорящая фамилия (в лексеме *Прохарчин*), бедность (в лексеме *Прохарчин*), голод (в лексеме *Прохарчин*), еда (в лексеме *Прохарчин*), социальная характеристика (в лексеме *господин*), высшее общество (в лексеме *господин*), власть (в лексеме *господин*), отношения с людьми (в лексеме *господин*), централизация вокруг героя (в обеих семах заглавия), мужское (в обеих семах заглавия). Таким образом, мы проанализировали все отобранные заглавия, в итоге в заглавиях 1850-х годов было выделено 2530 сем. Далее полученные семантические компоненты группировались в семантические поля. В целом, после объединяющей процедуры нами было сформировано 41 поле.

Значимостью для характеристики культурно-семиотического пространства 1850-х годов обладают не все семантические поля и не все связи, образованные ими. Для дифференциации полей по степени значимости и семантической активности были применены методы вероятностно-статистического анализа. Статистическая оценка выявленных семантических полей происходила по двум важным критериям — частотности и валентности. Показатель *частотности* поля свидетельствует о том, насколько предпоч-

тительным в рамках культурно-исторического периода 50-х годов XIX века является комплекс сем, входящих в поле. *Валентностью* поля мы называем его способность образовывать значимые связи с другими полями. В центре нашего внимания оказались те поля, частотность и валентность которых были выше статистического порога значимости, равного сумме среднего + среднеквадратичное (σ). В 50-е годы XIX века значимая валентность наблюдается у 24 полей, а частотными оказались 9.

На рисунке 1 представлена графосемантическая модель, отражающая культурно-семиотические тенденции пространства прозы 1850-х годов. В целом, историко-культурный потенциал эпохи чрезвычайно широк, реконструированная семиотическая система включает в себя 24 поля, активность которых (количество образованных связей) свидетельствует о конкуренции разных смыслов за влияние на систему. Возможность такой конкуренции указывает на недостаточную упорядоченность семантических тенденций эпохи 1850-х годов, на явное перераспределение иерархических зависимостей (даже визуально модель переполнена многочисленными слабыми связями, т. е. система как бы намеренно открывает свои границы для разного рода альтернативных контекстов, которые апробируют новые концептуальные смыслы).

Центром системы 1850-х годов оказывается поле «организация произведений», которое является первым по валентности и по частотности. Содержательное наполнение этого поля составили компоненты, связанные со способами расположения фактов, элементов повествования, персонажей, со спецификой протекания действия, с ракурсами изображения, композиционными рамками, отступлениями и т. п. Данное обстоятельство выдвигает проблему построения художественного мира, повествовательного пространства в качестве главной в этот историко-литературный период. (см. рис. 1)

Наиболее распространенная группа компонентов данного поля указывает на то, что все повествовательные блоки произведений 1850-х годов чаще всего располагаются вокруг одного образа и подчинены логике его раскрытия (47 % от всех компонентов, объединенных в этом поле): «Рудин» (И.С. Тургенев, 1855), «Виновата ли она?» (А.Ф. Писемский, 1855). Модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов не только отразила гуманистическую традицию изображения человека в центре художественного мира, актуальную для всех сосуществующих тогда идеологических течений, но и указала, что эта традиция начинает многоаспектно переосмысляться, поэтому доминантное поле имеет так много конкурирующих друг с другом связей.

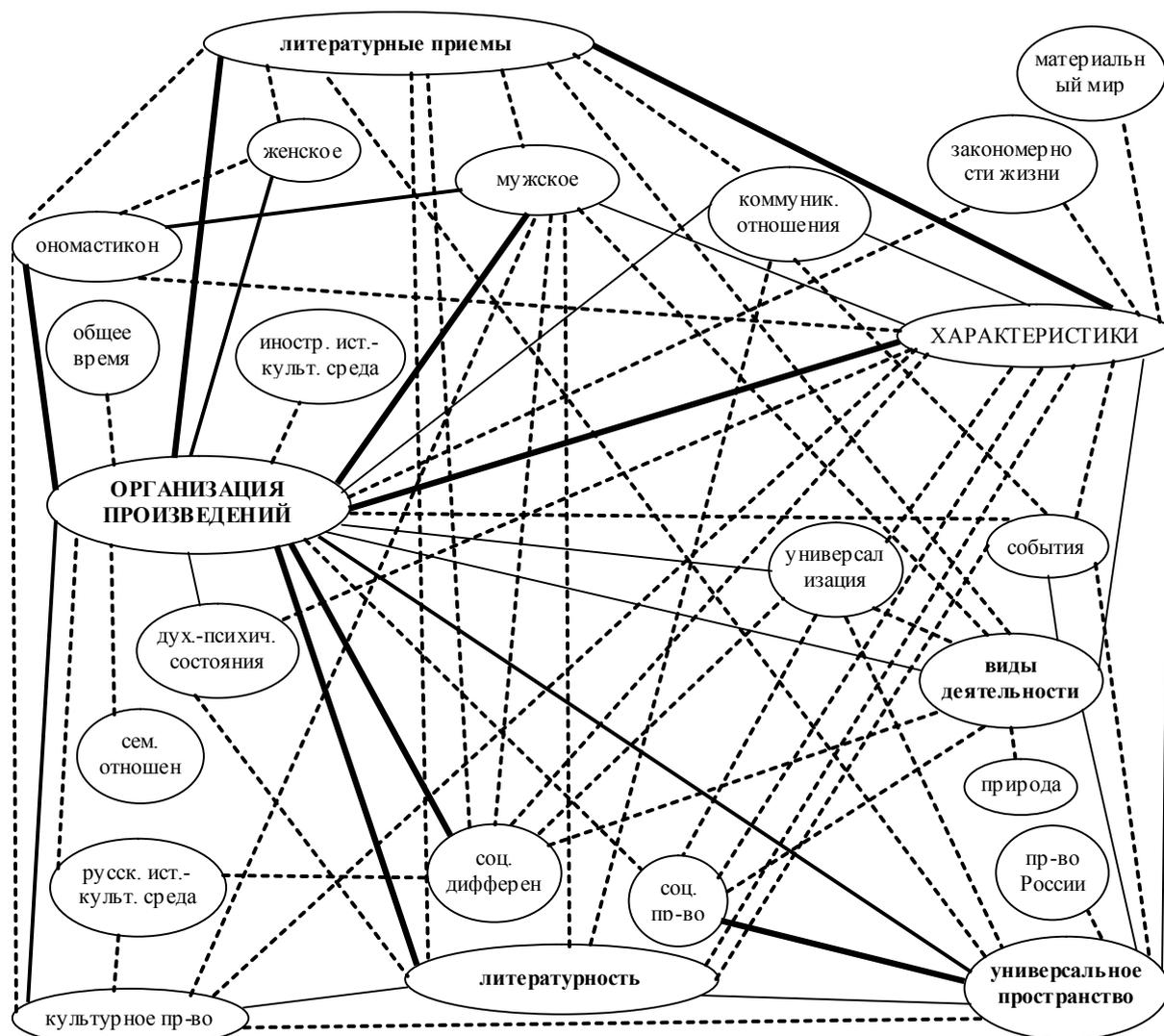

Рис. 1. Графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов

Примечание. Прописными буквами жирным шрифтом на рисунке обозначено доминантное поле системы. Прописными буквами — главная альтернативная доминанта. Жирным шрифтом — наиболее частотные семантические поля (альтернативные доминанты). Пунктирными линиями отмечены связи, сила которых превышает статистический порог значимости, равный $\text{среднее} + \sigma$; обычными линиями обозначены связи, сила которых превышает $\text{среднее} + 2\sigma$; полужирными линиями обозначены связи, сила которых превышает $\text{среднее} + 3\sigma$; жирными линиями обозначены связи, сила которых превышает $\text{среднее} + 4\sigma$ и более.

На активизацию процессов переосмысления героцентрической модели, довлеющей в эстетике эпохи, указывает также достаточно сильная позиция компонентов главного поля, связанных с фигурой рассказчика, которая определяет качественные характеристики становящегося художественного мира и с ситуацией наблюдения (16%). Так, например, в заглавиях «Записки маркера» (Л.Н. Толстой, 1853–55), «Воспоминания старого театрала» (С.П. Жихарев, 1854) подчеркивается наличие определенной субъективной точки зрения, которая активно формирует художественную реальность.

Структурирование художественного мира с помощью фигуры рассказчика, акцентуации его взгляда является вариацией героцентрической традиции, но данный вариант, обретая литературную самостоятельность, смещает фокус внимания с героя на рассказывание, на событие перенесения неких фактов в художественную реальность. Таким образом, в 1850-е годы нарративная организация художественного пространства превращается в такую эстетическую проблему, решение которой оказывается более значимым для становления системы художественной прозы, нежели остальные обсуждавшиеся тогда вопросы.

В силу общего стремления системы к индифференциации семиотических установок и к расширению интерпретационных контекстов для функционирующих в исследуемое десятилетие концептов особого внимания требуют те из реконструированных семантических полей, которые претендуют на роль альтернативной доминанты. По нашему мнению, именно альтернативные доминанты являются семиотически наиболее сильными, их валентная активность воссоздает действие самых продуктивных тенденций эпохи, ведущих к следующему, стабильному и эстетически определенному этапу развития русской прозы. Альтернативными доминантами в 1850-е годы стали «характеристики», «литературность», «литературные приемы», «универсальное пространство» и «виды человеческой деятельности».

Поле «характеристики» занимает в культурно-семиотическом пространстве прозы 1850-х годов третье место по частотности и второе по валентности, т. е. активность этого поля настолько велика, что оно становится системным аналогом центрального поля (главной альтернативной доминантой — см. рисунок), актуализируясь за счет подчинения своему влиянию большого количества семиотических контекстов. Семы «характеристик» существенно уточняют отличительные черты нарративных установок эпохи (аксиология начинает дополнять повествовательные принципы) и подчеркивают те тенденции, которые способствуют переосмыслению принятых в интересующую нас эпоху стратегий построения художественного мира. Однако поле, столь сильно влияющее на доминанту системы, недостаточно конкретизировано для того, чтобы, действительно, с течением времени взять на себя функции ядра: 56 % компонентов этого поля не дифференцируется на значимые смысловые группы. В этом отношении «характеристики» отражают основную черту времени — максимальную аксиологическую подвижность. Разнонаправленность характеристик указывает на то, что в контексте эпохи наиболее важным для организации мира художественного произведения оказывается сам акт присваивания характеристик, а не вектор оценивания или градуальность ценностной шкалы.

С другой стороны, именно на начало конкретизации оценочных интенций направлены семы поля «материальный мир», в рамках системы полностью подчиненного «характеристикам» (это тупиковый компонент системы, т. к. с другими семантическими полями у него нет связей). «Материальный мир» является новым для пространства русской прозы значимым полем, и тот факт, что оно оказалось контекстуально подчинено «характеристикам», открывает продуктивный в рамках системы способ

построения аксиологических суждений — путем соотнесения с миром вещей, быта и т.п., повышенное внимание к которому проявилось в это время. Данное характеризующее направление имеет нарративный потенциал в 1850-е годы и указывает на наиболее востребованный аксиологический контекст для формирования черт нового героя, вокруг которого разворачивается повествование. Причем этот контекст может указывать и на положительное осмысление характеристик, соотносящихся с бытовой сферой жизни («Именинный пирог» (П.И. Мельников, 1858), и на их отрицательный потенциал, связанный с возможным овеществлением образа героя («Свистулькин» (Д.В. Григорович, 1855)).

Остальные альтернативные поля, хотя и в меньшей степени, но также отражают системное действие продуктивных для эпохи семантических контекстов. Наиболее тесные связи (среднее + 4σ) с «организацией произведений» из них образуют смысловые блоки, напрямую связанные с литературно-художественной деятельностью, — «литературность» и «литературные приемы». Тесная взаимосвязь «организации произведения» с «литературностью» показательна в том смысле, что она открывает характерное для рассматриваемого культурно-исторического периода соотнесение процесса построения художественного мира и рефлексии над его литературной природой. Поле «литературность» составили компоненты, указывающие на словесное бытование состоявшегося произведения искусства, на принадлежность его к литературному жанру, вовлеченность в литературный процесс, установку на коммуникативную ситуацию, предполагающую записывание и последующее чтение и т. п.: «Записки о Пушкине» (И.И. Пущин, 1858), «Повесть о том, как казак побывал в Бахчисарае» (Г.П. Данилевский, 1852) и т. п. Однако высокая частотность в сочетании с умеренной валентностью («литературность» второе поле по частотности и шестое по валентности) свидетельствует о том, что в 1850-е годы большое внимание также уделялось сферам, не соприкасающимся с подобного рода рефлексией, но ставшим актуальными для художественной прозы. Конечно, прежде всего, это связано с эпохальным усилением интереса к реальной жизни, к возможности исследовать ее художественными средствами, что воплотилось в активизации противоположных «литературности» семантических компонентов (например, поля «виды человеческой деятельности», которого не было в 1840-е годы [9]). Популярность «литературности» в сочетании с начавшимся обособлением от системы указывает на данное поле как на потенциальный источник ее трансформаций, т. к. его семы начинают рассматриваться в нетрадиционных для них

контекстах, а из привычных — исключаться. «Литературность» является репрезентантом наиболее популярной для системы прозы предшествующего десятилетия формы активности — словесного творчества, очевидно, именно в этом качестве в 1850-е годы она открывает вектор дальнейших изменений.

Интересны в этой связи отношения «организации произведений» с полем «литературные приемы», сходным с «литературностью» по принципу ориентации на словесную природу художественной реальности. Художественно-языковые приемы активизируются в 1850-е годы именно как средство организации художественного пространства, как некий фактор, стимулирующий тот или иной вариант соотношения компонентов мира произведения. Причем важную роль в проявлении структурообразующей активности приема играет его прямое влияние на процесс характеристики изображаемых объектов и их связей (корреляция с полем «характеристики» также превышает среднее на 4σ). Например, заглавие «Игрушечка» (М. Вовчок, 1859) предполагает характеристику центрального образа с помощью метафорического переноса (возможного овеществления) и уменьшительного суффикса, одновременно актуализирующего положительный полюс эмоций и вводящего образ в сферу обыденно-просторечной реализации языка.

В подобном качестве «литературные приемы» становятся культурно-семиотической альтернативой «литературности» как эстетический языковой механизм, сохраняющий установку на рефлексивность над процессом создания и функционирования словесного мира, но имплицитно ее на уровень подтекста. Можно также предположить, что в 1850-е годы активизация сем поля «литературные приемы» обуславливалась описанным ранее нарастающим интересом к реальной действительности. Литературные приемы тогда явились аналогом продуктивной деятельности в литературном пространстве — в отличие от компонентов поля «литературность», «литературные приемы» имеют связь с полем «виды человеческой деятельности», ориентированным на репрезентацию контакта человека с действительностью. Но мы понимаем, что «литературные приемы» не столько способствуют нейтрализации границ между литературным произведением и «исследуемым» с его помощью окружающим миром, сколько указывают на усиливающуюся тенденцию к расширению функциональной и онтологической значимости литературных стратегий. В силу совокупного влияния литературно ориентированных полей («организации произведения», «литературности», «литературных приемов») складывается культурно-историческая ситуация, в которой

семьи, связанные с презентацией реальности, с большей степенью вероятности будут отражать литературные шаблоны.

Таким образом, поле «литературные приемы», являясь альтернативой «литературности» как семантический блок, неявно прочерчивающий границы между художественной и нехудожественной реальностями, в рамках эпохальной системы не противопоставлено ей. Это поле имеет одинаково слабые связи (среднее $+ \sigma$) и с «литературностью», и с «видами человеческой деятельности», т. е. по мере развития системы прием одинаково может развиваться как с целью более тонкой передачи закономерностей действительности, так и с целью утверждения принципов литературности.

Следующая альтернативная доминанта «универсальное пространство» также имеет сильную связь (среднее $+ 3\sigma$) с центральным полем системы прозы 50-х годов XIX века. Контекстуальное расположение этого поля говорит о том, что из всех пространственных характеристик именно «универсальное пространство» играет ведущую роль при построении художественного мира в 1850-е годы, та или иная конкретизация пространственных параметров осуществляется для ее дальнейшей типизации и универсализации, что помогает делать более масштабные художественные открытия. Например, поле «дифференцированное пространство России» в рамках системы является тупиковым: оно соотносится только с «универсальным пространством». Изображение просторов России (отметим, что в 1850-е годы в центр художественного внимания русской литературы попадает периферийное, нестоличное пространство) полностью подчиняется универсализирующим тенденциям, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о представлении России в эту эпоху как пространства, деактуализирующего специфические национальные черты и делающего семиотически более значимыми общечеловеческие пространственные установки и ориентиры. Точнее, легко символизирующееся пространство и начинает восприниматься как национальное. В большей степени оказывает влияние на систему поле «социализированное пространство», хотя и оно находится в очень сильной зависимости от семиотических интенций «универсального пространства» (связь превышает среднее на 4σ). Деление мира на локусы, акцентирующие общественные установки и ценности, очевидно, отражают более актуальные для системы прозы 50-х годов XIX века тенденции. Но «социализированное пространство» также «вписывается» в универсализирующие контексты: с одной стороны, оно предстает как часть большого универсума, законы которого необходимо постичь (создание мифа о пространстве), с другой

стороны, оно подчиняется и параллельным типизирующим тенденциям, затрагивающим другие сферы бытия: «социализированное пространство» связано с полем «универсализация», указывающим плодотворность обобщающе-символизирующих установок не только при изображении пространства.

Завершает список альтернативных доминант новое для системы поле «виды человеческой деятельности», этот альтернативный центр слабее остальных связан с «организацией произведений». Мы уже отмечали, что на уровне системных отношений поле «виды человеческой деятельности» (достаточно сильное и по частотности, и по валентности) является своеобразной противоположностью «литературности» как репрезентант активности, направленной не на создание виртуальной действительности, а на преобразование реальности. В подобном преломлении активная человеческая деятельность становится одним из принципов организации художественного мира (связь с доминантным полем), критерием оценки персонажа или ситуации (с «характеристиками»), но, по нашему мнению, основная тенденция, которую вносит это поле в систему — это акцентуация активности как конструктивного принципа. Поэтому в рамках системы прозы 1850-х годов именно «виды человеческой деятельности» образуют среднесильную связь с семантикой «события» (у «событий» это единственная сильная связь). Однозначная конструктивность и даже живительность деятельностной активности подчеркивается системной соотносительностью компонентов поля «виды человеческой деятельности» с семантическим блоком «природа» (у поля «природа» это единственная связь). Подобная корреляция свидетельствует о появлении устойчивого представления о том, что областью органичного взаимодействия человека и природных сил является инициативная активность мира людей, которая предстает и в виде здорового труда, погружения в природное бытие, и в виде разного рода исследовательской деятельности, и в виде явной или неявной экспансии человеческого способа жизни в природу. И, как показывают реконструированные отношения между полями в системе, активная человеческая деятельность — это единственный путь к природе.

Естественная сфера проявления активной человеческой деятельности — это сфера социума, что и отразилось в системе через связи «видов человеческой деятельности» с «социальной дифференциацией» и с «социализированным пространством». Социальная деятельность — наиболее очевидный способ реализации замыслов, воздействия на реальность, связи между этими тремя полями еще раз подтверждают актуальность

для 1840–50-х годов интереса к художественному осмыслению социальных вопросов. Но понятие активности расширяется под воздействием всех тенденций семиотической системы художественной прозы данной эпохи. «Виды человеческой деятельности» коррелируют с «литературными приемами», что позволяет провести параллель между реальной деятельностью и активностью языкового приема; с «мужским началом», что обнаруживает традиционную гендерную установку — мужское начало активно, женское — пассивно. Связано это поле с «универсальным пространством» и с «универсализацией», что соотносит активную человеческую деятельность со всеобщими процессами мироустройства, с пространством космического масштаба.

Менее активные семантические поля системы уточняют и расширяют спектры смыслового влияния сильных полей и, прежде всего, доминанты. Если рассматривать поля с умеренной семиотической активностью, можно отметить, что наиболее сильные семантические корреляции (превышающие среднее более, чем на 4σ) доминантное поле образует с «социальной дифференциацией», «ономастиком персонажей» и «мужским началом». Связь этих полей с «организацией произведений» указывает на то, что центральный образ, вокруг которого структурируется художественная действительность, и в 1850-е годы нередко характеризуется через социальную идентификацию, гендерную отнесенность, через семантический потенциал ономастикона (все три поля имеют связи с «характеристиками», а значит, участвуют в процессе создания облика художественного мира). Принадлежность к мужскому сообществу — традиционная характеристика для героев художественных произведений (не только русской литературы). Однако в 50-е годы XIX века семантика поля «мужское начало» не обладает значимой частотностью, т.е. данная традиция начинает существенно переосмысляться и, если не сдавать свои позиции, то косвенно предполагать наличие иного гендерного взгляда на эстетическую ситуацию. Связи с «ономастиком персонажей» (больше среднего на 3σ) и с «характеристиками» (больше среднего на 2σ) показывают наиболее продуктивные способы репрезентации «мужскости» — через имя и гендерно обусловленные черты. Остальные образованные «мужским началом» связи являются слабыми, т.е. достаточно высокая активность этого поля (проявляющаяся в валентности) носит уже фоновый, инерционный характер. «Ономастикон персонажей», в целом, имеет небольшую значимость в системе русской прозы 1850-х годов. Ономастический образ, ориентированный на репрезентацию личного пространства героя, явно уступает свое место социальным характеристикам и связанной с ними типизации.

Действительно, поле «социальная дифференциация» обладает значимой частотностью в системе, что подтверждает популярность социальной темы в литературе 1850-х годов. Однако связи «социальной дифференциации» слабы (кроме связи с доминантой), что указывает на семиотическую нестабильность этого поля и на возможное дальнейшее переосмысление всего понятия социальности. Само понятие социума в данном контексте также расширяется — оно включает в себя не только сословную организацию общества и иерархические отношения между сословиями (поле «социальная дифференциация»), но и пространственные категории («социализированное пространство»). Активное вовлечение пространства в сферу социума, осмысление пространства в категориях социума и объяснение социальных закономерностей через специфику пространства дополняет художественное исследование «вертикальной» социальной организации рассмотрением социализированной «горизонтальной». Соединение социального с онтологическим приводит к символизации социального, поэтому конкретная человеческая активность универсализируется, а субъект деятельности предстает в качестве демидурга. Таким образом, культурно-семиотическая система эпохи семиотизирует и эстетизирует активную человеческую деятельность, деятель мифологизируется, а реальность символически переструктурируется в соответствии с замыслом. Данные тенденции указывают на начало формирования новой семиотически значимой для эпохи стратегии поведения и на активное влияние ее на реальность.

Следующий блок связей «организация произведений» с недоминирующими полями имеет несколько меньшую силу (превышает среднее на 3σ). Данные связи ядро системы образует с «культурным пространством» и «женским началом». Поле «культурное пространство» образовано компонентами, которые создают историческую, культурологическую, межкультурную, эстетическую перспективу, такими, как модус и пафос, аллюзийная отнесенность и т.п. Опираясь на контекстуальную приуроченность этого поля в системе, можно сказать, что восприятие культуры как самостоятельной реальности в 1850-е годы претерпевает изменения. Поле «культурное пространство» имеет достаточно значимые показатели частотности и валентности, но сильные связи оно образует только с центральным полем «организация произведения» и с «литературностью» (превышают среднее на 3σ и 2σ соответственно). Большое количество слабых связей свидетельствует о поиске системой нового места, статуса для данного поля. Сильные связи с «организацией произведения» и «литературностью»

закономерны: пространство культуры является широким семиотическим контекстом аналогичной для литературной деятельности природы, поэтому дает необходимые предпосылки для эстетической самоидентификации системы как с позиции предпочитаемых законов упорядочивания художественного мира, так и с точки зрения границ и особенностей ситуации литературного творчества, писательства. В основном, слабые связи этого поля открывают традиционные сферы, соотносящиеся с культурными контекстами разного рода — это традиция гендерной идентификации центрального персонажа (мужской герой); традиция универсализации пространства (принятые пространственные категории) и способы характеристики субъектов, предметов, явлений и т. п. (аксиологические установки). Знаменательна, на наш взгляд, с точки зрения развития системы прозы 50-х годов XIX века связь «культурного пространства» с полем «русская историко-литературная среда». Данное поле является периферийным в системе. Соединение его с «культурным пространством» свидетельствует о процессе интеграции русской культуры в мировую, в связи с чем и начинается отмеченный ранее процесс переосмысления места общекультурных тенденций в системе русской художественной прозы. В данном контексте, возможно, приобретает особую значимость для русских литераторов поиск новых путей культурной самоидентификации — принцип противопоставления русской и иностранной культур потерял свою актуальность в рамках системы прозы 1850-х годов: поле «иностранная историко-культурная среда» является тупиковым, оно имеет только одну слабую связь с доминантой системы.

И последнюю связь с «организацией произведений», превышающую среднее на 3σ , образует поле «женское начало». Прежде всего, данное поле существует в системе прозы 50-х годов XIX века как гендерная альтернатива «мужскому началу», имеющая большой структурно-семиотический потенциал (свидетельствует о нем сильная связь «женского начала» с доминантой). Ономастическая репрезентация гендерных характеристик естественна, и слабая связь поля «женское начало» с ономастиком персонажей лишь отражает реальное распределение в семиотической системе женских и мужских имен. Соотнесенность же (пусть тоже слабая) с продуктивным полем системы «литературные приемы» (в 1840-годы ее не было) недвусмысленно указывает на положительную динамику развития семиотического потенциала данного поля: женский модус, включаясь в историко-литературный процесс эпохи, сразу начинает восприниматься как материал для культурно-

семиотической рефлексии над событием литературного творчества, вербализации бытия — возможно, как специфический способ письма.

Следующая группа полей образует с доминантой среднезначимые связи (среднее + 2σ), это «универсализация», «межличностно-коммуникативные отношения» и «духовно-психические состояния». Мы уже показали, что достаточно сильная связь «универсализации» с центральным полем связана с актуальностью и продуктивностью обобщающих тенденций в рамках семиосферы эпохи, в данном контексте типизирующие приемы начинают приобретать нарративообразующий статус. Слабые корреляции этого поля показывают основные пути вовлечения типизации в повествовательную структуру: характеристики, сфера активной деятельности человека, выход в масштабы универсального пространства и, прежде всего, социальная сфера.

Еще одно поле, связанное с доминантным среднесильной связью, — «межличностно-коммуникативные отношения», оно объединяет установку на социальность с репрезентацией личностных интенций. Компоненты поля «межличностно-коммуникативные отношения» предполагают акцентирование на целостной коммуникативной ситуации. Но самая распространенная коммуникативная ситуация в 1850-е годы — это ситуация декоммуникации, непонимания, одиночества, отвергнутости миром или отвержения его ценностей (51 % от общего количества компонентов поля). Соответственно, контекстуальное значение этого поля включало в себя все изменяющиеся тенденции восприятия и личности героя, его внутреннего мира, и специфику разных форм взаимоотношений героя с окружающим миром. Констатация по преимуществу отрицательной установки на Другого в 1850-е годы начинает обуславливать и ситуацию литературного творчества, запечатляющуюся в произведении, — именно антидиалогичность негероического персонажа (а не активность персонажа-деятели) дает основания для рефлексии над природой литературности (поле «литературность»). Эпохальная коммуникативная установка подобного рода приобретает качества, необходимые для формирования события («события»), очевидно, прежде всего, коммуникативного события, и обладает возможностью активизировать языковой материал («литературные приемы»), используемый для создания этого события. Парадоксальный вид коммуникации, выдвинувшийся в 50-е годы XIX века на первый план, акцентирует внимание на субъекте коммуникации, который доводит процесс вербализации собственных ценностных установок до уровня художественного приема, ему свойственна повышенная вербально-эстети-

ческая активность, но при этом он демонстрирует неспособностью к полноценному коммуникативному акту. Подобная коммуникативная ситуация представляет собой плодотворное пространство для нарративных экспериментов: коммуникация, в которой активность проявляет слово, а не субъект высказывания, в которой сосуществуют речевые позиции, не складываясь в диалог, порождает череду нарративных масок, повествовательных уровней и т. п.

Интересно также появление в системе прозы 1850-х годов поля «духовно-психические состояния» (последнее из группы полей, находящихся в среднесильной зависимости от доминанты). Распространение сем этого поля свидетельствует о возросшем интересе к художественному изучению внутреннего мира человека — детерминация поступков посредством изображения состояния души персонажа, экспликации тонких переходов этих состояний, тайных мотивов и т. п., видимо, в 1850-е годы приобретает системный характер (что, конечно, является прямым знаком зарождения русского психологического романа). «Духовно-психические состояния» органично встраиваются в произведение как элементы его структуры, но одновременно компоненты этого поля постепенно становятся обязательной частью характеристики персонажа (скрытые мотивы, установки определяют психологизм литературы второй половины XIX века), а также и ситуации литературного творчества (связь с «литературностью»).

Еще одна важная группа полей, отражающих специфику поисков нарративных стратегий эпохи, — это периферийные поля (т. е. те, которые с доминантой связаны слабой связью, превышающей среднее на σ). Периферийными полями системы в 1850-е годы, из уже обсуждавшихся здесь ранее, являются «события», «русская историко-литературная среда», «социализированное пространство». Кроме данных семантических блоков в эту группу входит поле «общие закономерности жизни». Особое значение, по нашему мнению, имеет тот факт, что проявившая себя посредством этого поля тенденция универсализации, распространенная в 40–50-е годы XIX века, оторвана (может быть, только на этом этапе) от всех семантических блоков, связанных с обобщениями разного рода («универсализация», «универсальное пространство», «общее указание на время»). Выход на общие законы бытия осуществляется в 1850-е годы через осмысление структуры произведения в целом, а также через переоценку конкретных качеств, характеристик персонажа или ситуации, т. е. не через типизацию, а через увеличение онтологического масштаба рассмотрения.

И последний блок компонентов системы – тупиковые компоненты, которые имеют всего одну, в 1850-е годы – слабую, связь с другим, более активным полем. Причем в рамках семиотического целого они свидетельствуют о потенциале поля, с которым образуются эти тупиковые связи, и одновременно, как правило, указывают на границы, преодолевая которые, система вступает в иное состояние развития. Такие смыслы репрезентированы полями «иностранный историко-культурная среда», «общее указание на время» и «семейные отношения». (Рассмотренные ранее «природа», «материальный мир» и «дифференцированное пространство России», также являясь тупиковыми, распространяют недоминантные поля, но, как мы показали, сохраняют свойства, характерные для тупиковых элементов системы вообще.) Статус поля «иностранный историко-культурная среда» подтверждает замеченную нами тенденцию к нейтрализации противопоставления российской и иностранной культур – основания такого противопоставления, очевидно, исчерпали себя в эту эпоху, новые же еще не актуализировались. Поле «семейные отношения» отражает изменяющиеся в обществе взгляды на семейные ценности, именно этот тип человеческих отношений требует кардинального переосмысления и, соответственно, передислокации в рамках семиотического пространства эпохи. Поле же «общее указание на время» как тупиковый элемент свидетельствует о практически полной десемиотизации категории времени, что свидетельствует об эпохальном изменении взгляда на соотношение фундаментальных онтологических факторов.

Таким образом, графосемантическая модель культурно-семиотического пространства прозы 1850-х годов демонстрирует максимальное расширение востребованных семиотических контекстов в совокупности с начавшимися упорядочивающими тенденциями. В рамках системы русской прозы этого периода наметилось несколько конкурирующих тенденций, относительно которых осуществляется развитие всех эстетических установок. Самый сильный контекст образует смысловой блок, связанный с собственно литературно-эстетической сферой – словесно-художественным творчеством, литературными приемами и нарративным упорядочением пространства произведения. Этому блоку начинает имплицитно противостоять аксиологический план, ценностные установки, потенциально обладающие возможностью подчинить себе область эстетики. Еще один существенный вектор семиотического поиска эпохи ориентирован на противопоставление

попыток художественного изучения действительности, способов активного взаимодействия человека и мира во всей неоднозначности этого процесса, с одной стороны, и, с другой, усложнения литературно-художественных уровней произведения, сюжетно-композиционной структуры, системы образов, представления о творчестве. Контекстуально промежуточное положение в системе занимают те смысловые блоки, которые репрезентируют сферу духовно-психических состояний, представления о событийности, рефлексию над гендерными особенностями деятельности и литературные приемы как знаки языковой активности человека. Вовлечение их в поле семиотического влияния той или иной тенденции, соответственно, будет отражать культурно-исторические предпочтения семиосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройтман С.Н. Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ / С.Н. Бройтман. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 66 с.
2. Смирнов И.П. Психодиахронологика. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней / И.П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с.
3. Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория / М.Н. Эпштейн. – М.: Издание Р. Элилина, 2000. – 368 с.
4. Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы / В.С. Баевский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 336 с.
5. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1984. – 319 с.
6. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 480 с.
7. Русские писатели. Биобиблиогр. слов.: В 2 ч. / Под ред. П.А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990. – Ч. 1. – 432 с. – Ч. 2. – 448 с.
8. Белоусов К.И. Графосемантическое моделирование концептуальной организации текста / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Художественный текст: варианты интерпретации: В 2 ч. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – Вып. 10. – Ч. 2. – С. 50-56.
9. Зелянская Н.Л. Основные семиотические тенденции прозы 40-х годов XIX века / Н.Л. Зелянская // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 36-48.